

«ЗОДИАК»

И ЕГО ГОСТИ

Татьяна Каминная

Где жива любовь...

Цепко держит память номера
Телефонов тех, кого уж нет.
Их бы мне давно забыть пора,
К оставлен в сердце яркий след.
Не нарыв, не рана, не рубец...
Не болит, не ноет, не саднит...
Чувство единения сердец
Притянула память, как магнит...
Годовщины смерти отмечать
Не хочу. Вы живы для меня.
Скорбную сотру с лица печать,
Улыбнусь и сяду у огня.
Буду перелистывать альбом,
Ваши фотографии смотреть,
Радуясь и помня об одном:
Где жива любовь —

Конечно, человек —
венец природы,
Но красоваться не на чем
венцу.
И землю отравили мы, и воду,
К логическому катимся концу,
Ведь каждый вздох Земли —
землетрясение,
И каждый всхлип —
цунами, ураган.
Но есть еще надежда
на спасенье —
Хотя б немного измениться
нам,
Иначе будет, как не раз
бывало:
Земля в одну из сумрачных
эпох
Так от людей безумных
уставала,
Что стряхивала,
как собака блох.

Не просто имя

Земля нас и напоит, и накормит,
И даст приют, как любящая мать.
А мы по-свински собственные
корни
Готовы для наживы подрывать.
Увы, но со времен
неандертальцев
Так мало изменился
род людской:
Плодятся поколения
страдальцев,
Мечтая о величии с тоской.
Мы хвалимся успехами своими
В умении природу побеждать.
Но «хомо сапиенс» —
не просто имя,
А звание, что нужно
подтверждать
И мыслями, и словом, и делами,
Творить, а не бесчинства
вытворять.
Все связано в подлунном мире
с нами.
Настало время это осознать.

Моя звезда

Я сильная,
Я все смогу теперь.
Я вылечу твою большую душу.
Доверься мне, пожалуйста,
поверь.
Космических законов
не нарушу:
На зло твое я не отвечу злом,
А на добро вдвойне добром
отвечу.
Любимый мой, нам просто
повезло!
Благодаря судьбу
за нашу встречу.
Я жизнь люблю,
Ей упиваюсь всласть,
Хотя она то черная, то белая.
Я под звездой счастливой
родилась.
А может быть,
звезду счастливой сделала!

Литературная страница

Евгения Серегина

ОСЕННЯЯ АЛЛЕЯ

Тихий шорох листьев чуть
нарушил покой
Чутко дремлющей старой
московской аллеи,
Воздух пахнет дождем
и осенней травой,
И волшебный закат вдалеке
розовеет...
Вот уж синяя ночь скоро
вступит в права,
И аллея уснет,
тишиною объята...

Тротуары, стоящие рядом
дома,
Фонари, устремленные взором
куда-то...
А с рассветом аллея проснется
опять,
Вновь наполнит ее света
и тревога,
Будут люди спешить,
все боясь опоздать,
Не заметив, что в мире
прекрасного много...

СВЕТ

Я вижу свет в окошке одиноком,
Он шепчет мне о чем-то
непонятном,
О чем-то близком шепчет
и далеко,
А на душе становится приятно...
Я вижу свет...
такой необъяснимый,
Весь вечер поздний
с долгою пургою

Он мигом сделал сказочно
красивым
Простой пейзаж,
написанный зимою...
И этот свет не замести
снегами,
Он очень дорог стал мне
ненароком,
Его порой я вижу вечерами,
Когда душе бывает одиноко...

ЗАЧЕМ?

Зачем любовь послал нам Бог?...
На счастье или на страданье
Судьбой назначено свиданье
На перепутье двух дорог?...
Любовь превыше всех чудес,
Хоть и бывает роковая...
То водит медленно по краю,
То возвышает до небес...

Зачем любовь послал нам Бог!
Чтоб жить далеко мечтою,
Прожить единою судьбою,
И в этом есть ее итог...
Любовь близка и далека,
Переплетены тьмы и света,
Подобно летнему рассвету,
Необычайно коротка...

АДРЕС СЧАСТЬЯ

Сто километров от Москвы...
Там жизнь течет совсем
другая,
Неторопливая, простая,
Без бесконечной суеты...
Там свет струится от берез
И небо кажется синее,
Там солнце летом горячее,
Зимой крепче там мороз...

Сто километров от Москвы...
Туда всегда стремится сердце,
Там милый дом, уют, и детство,
И шелест бархатной листвы...
Там нет непрошенной тоски
И серых буден скучной власти.
Несложный адрес есть
у счастья —
Сто километров от Москвы...

ПОЧЕМУ ГИБНУТ ЛЮДИ?

Что за страх пробирает тела
до костей!..
Мы с опаской глядим
в незнакомые лица...
Почему гибнут сотни невинных
людей
Лишь за то, что спустились
в подземку столицей!
Нам Норд-оста недавно
хватило сполна,
Столько мирных людей
беспощадно убито!
Может быть, к нам врывается
вихрем война,
Хотя вроде ни с кем не воюем
открыто...
Неизвестно, что нам посулит
новый день.
Сдрогааясь, с экранов
мы слушаем вести:
Снова взрыв, снова слезы
и муки детей,
Сколько жертв на сей раз —
может сто, может двести!
Пятый год — мы во власти
бессонных ночей,
И обидно до боли порою
бывает,

Что десяток жестоких
и злых сволочей
Судьбы тысяч людей
хладнокровно решает...
И кому нужно столько
страданий, смертей!
Может, враг наш стремится
к почету и славе!
Он не тронут был даже
слезами детей,
Что захвачены им беспощадно
в Беслане...

Кто же в том виноват!
Столько шума и толков,
Столько слышу пустых
обещаний властей,
Только люди по-прежнему
гибнут жестоко
От холодных, чудовищных рук
нелюдей.
В горле ком у меня,
на душе стало мрачно,
А рассудком никак одного
не пойму:
Почему путь греховный
для многих удачен,
А безгрешный порою дорога
во тьму!

Анатолий
Щавелин-Елисеев

Память сердца

Плотникову Т.С., ветерану
Великой Отечественной

С пуль под сердцем встаю
и ложусь,
Но иногда шевельнуться боюсь:
Это металл словно ожил во мне,
Напоминая о прошлой войне.
Я, как скупец, над металлом
дрожу,
Этим металлом в себе дорожу.
Знать, драгоценным навечно
мне стал
Тот смертоносный,
холодный металл.
Больше полвека его я ношу,
Памятью сердца те дни ворошу,
Место, где снова в атаку встаю...
Там расстреляли и юность мою.
Прахом лежит, кто стрелял
и металл
В сердце мое тот смертельный
металл.
Мне, слава богу —
весь мир наяву,
Хоть на полдюйма
от смерти живу.

Художнику

Майе Бакаевой

Стою перед чистым рассветом.
Как Господу славу воздать!
И пишется светом по свету
Небесная та благодать.

Этюд

Волна звезду вечернюю качает,
С покоев веет мятой и теплом.
А ночь июньская неспешно
напыляет,
Зари прозрачной распластав
крыло,
И кружит над рекой
завороженной.
На тайный пир душа пригласена.
Туманною тропой настороженно
На землю сонную стекает
тишина.
И, словно вечности таинственные
птицы,
В грядущий день несут издалека
Прошедшее, как отблеск
от зарницы,
Печальные ночные облака.

Стенан Васин

Я вспомнил

Когда мы встретились, я вспомнил слово «счастье»
И позабыл о всем, что пережил.
В глазах твоих я не заметил страсти,
Но счастлив был лишь тем, что я любил.
Прости за все, что ты со мной терпала,
Благодарю за все, что мне дала.

Антон Ялтов

Юлька

Маленькая девочка в лагере, что я охранял, запала мне в душу.
Она в компании других детей приходила ко мне дежурить, а именно звать из корпусов тех, к кому приезжали родственники. Случалось, мы подолгу сидели с ней на скамейке, пока другие работали, и болтали.
Незаметно для себя я обнаружил, как скучно мне с остальными, как жутко долго тянется время в ее отсутствие, как, наконец, мне не хватает ее удивительно тонкой, хрупкой, интересной и несвоевременно по-женски нежной и обаятельной натуры. Ее глаза всегда светились умом, она говорила вещи, над которыми я сам стал задумываться впервые, никогда не смеялась над плоскими шутками, звонким смехом задевала меня за живое. Ко мне относилась с симпатией, но не сразу, а только тогда, когда поняла, что это взаимно.
Прощаясь, я сфотографировался с ней несколько раз, после чего она исчезла в толпе провожающих, и я сразу забыл о ней. Но когда снова увидел ее в окне вагона, то захотел ее поцеловать и поцеловал в щечку.
Интересно, по прошествии лет узнает ли она меня, и если да, то что будет в ее глазах?

Не знаю

В школе в выпускном классе на одной из репетиций к новогоднему вечеру я, стоя в хоре на задних подмостках, заметил ее.
Она ничем не обращала на себя внимание. Я скорее почувствовал ее, а когда она засмеялась над чем-то, понял, что мне интересна. Когда я заговорил с ней, она отвечала на мои вопросы, но не особенно охотно.
Теперь я следил за каждым ее сценическим образом или действием. Она была недоступна и с виду выскомерна, но вместе с тем непринужденна, проста и открыта к избранниками. Могла сосредоточиться и взять себя в руки, когда ей того не хотелось. В ней удивительно сочетались чистота и страсть.
Я плохо помню, как прошел выпускной вечер, но отчетливо, что танцевал с ней. Мы с ней сидим у нее дома, в ее комнате, в полумраке, с расшторенным наполовину окном. Музыка в сочетании с неритмичным миганием зеленых, красных и синих огней гирлянд, причудливо развешенной под потолком, создает у меня ощущение зифории. Не знаю, о чем говорим. Но молчим, наверное, о близком.
Сидим у меня. Не молчим. И не говорим.
Теперь сидим каждый у себя. А как было здорово, когда хоть и молчали, но вместе.

Обидно, что уродом называла,
Но от тебя — и это похвала.
Со мною убежала от кошмара,
Войдя ко мне, попала прямо в ад.
Со мною, как под пытками, молчала,
А я любому слову был бы рад.

х х х
Я заблудился в собственных желаньях.
И слава богу, что мне били морду,
Не кончатся все эти испытанья,
Да так и надо глупому уроду.